

A photograph of a wooden park bench in an autumn setting. The bench is covered with fallen yellow and orange leaves. The background is a dense forest of trees with similar autumn foliage, creating a warm, golden-brown atmosphere. The text is overlaid on the upper half of the image.

Евгений Ланов

Мас исповеди

Почти
документальные
истории

Евгений Панов

**Час исповеди. Почти
документальные истории**

«Издательские решения»

Панов Е.

Час исповеди. Почти документальные истории / Е. Панов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838001-3

Под этой обложкой соседствуют две исповеди. Первая написана сорок лет назад молодым человеком. Вторая — сорок лет спустя им же, но, понятно, успевшим состариться. Несмотря на разделяющую их пропасть времени, сущностной разницы между этими рассказами нет. И там, и там — упорный поиск себя, своего пути, своего места в мире. И, конечно же, вечный, прекрасный и, может быть, решающий фактор жизни — любовь...

ISBN 978-5-44-838001-3

© Панов Е.
© Издательские решения

Содержание

Лейтенант срочной службы	6
Вынужденное знакомство	6
Разрешите представиться!	9
Самое первое	10
Двухгодичники – 1	16
Лето 1972 года	18
Двухгодичники – 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Час исповеди Почти документальные истории

Евгений Панов

© Евгений Панов, 2017

ISBN 978-5-4483-8001-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лейтенант срочной службы Записки «двухгодовника»

Вынужденное знакомство

В жаркий июньский полдень 1971 года 30 студентов-пятикурсников МЭИ, на месяцы лагерных сборов превратившихся в курсантов, стояли в строю на гравийной дорожке гарнизонного стадиона, слушая объяснения командира. Предстояло тренировать подход к начальнику, повороты и отдавание чести в движении. Для этого майор приказал «рассчитаться на первый-второй», перестроил курсантов в две шеренги и указал каждой паре место для проведения занятий. В течение 15 минут изображавший начальника номер первый должен был нещадно гонять второго номера. Потом им следовало поменяться местами.

Закончив объяснять и показывать, майор куда-то отлучился, а мы занялись шагистикой. За 5 минут первые номера приказали номерам вторым 5 раз подойти к начальникам, 7 раз отдать честь в движении и 20 раз повернуться «налево», «направо» и «кругом». Так что, не дожидаясь срока, вторые номера заняли места начальников, а первые – подчиненных. Ещё через 5 минут 30 человек стали тренироваться самостоятельно. Когда каждый сам себе начальник и сам себе подчиненный, не так тупеешь: нужно и подумать, что себе командовать, и выполнить приказ.

Через 20 минут после начала занятий 30 студентов-курсантов с наслаждением снимали пилюльки, вытирали потные лбы, расстегивали воротники, доставали сигареты. Сколько же, в самом деле, можно долбить одно и то же!..

– Взвод!!! В одну шеренгу становись!!!

Перед студентами стоял взбешенный майор.

Построились.

– На первый-второй-третий-рассчитайсь! Третьи-номера-левое-плечо-вперед-марш!!! Строевым... шагом марш!!!

Натиск майора был стремительным и бурным. Его хорошо поставленный командирский голос подстегивал, словно плетка. В головах у обескураженных, смятых, лишенных способности сопротивляться и воли студентов не осталось ни единой мысли. Только – левой!!! Левой!!! Левой!!! Полсотни метров по прямой.

– Крутом... марш!!! – командовал майор в конце прямой, прогнал назад, остановил, повернул и приступил к разбирательству. Он видел, что каждый занимался, как хотел. На каком основании был нарушен приказ о проведении занятий парами?

– Но, товарищ майор, – слышались голоса тех, к кому вернулась способность соображать, – так удобнее...

– Почему был нарушен приказ о проведении занятий парами? Было приказано: 15 минут командует первый, второй выполняет, потом командует второй, первый выполняет. Кто дал вам право не выполнять приказаний?! По отношению к вам я пользуюсь властью командира полка!

– Товарищ майор, ведь...

Нет, студенческих доводов майор не принял и ещё долго говорил об уставах, о взаимоотношениях начальников и подчиненных, пока не остыл. Он был профессиональный строевик, но человек незлой, взысканий не последовало. При этом он решительно не мог понять, как можно, первое, ослушаться начальника, пользующегося по отношению к студентам дисциплинарной властью полковника, и, во-вторых, нарушить святой порядок проведения строевых

занятий. Майор беззаветно верил в великий принцип армейского разделения труда: один приказывает, другой выполняет, один обязательно начальник, другой непременно подчиненный. Все существо майора – порядочного человека и при том строевика до мозга костей, «профессора фрунта», «военной косточки» – возмущалось при таком грубом попрании основ субординации.

Майор за месяц так ни разу и не поступился принципами, не отдал нам ни пяди армейской территории. А вот сержанта-сверхсрочника, назначенного старшиной курсантского подразделения, удалось отеснить с занятых им позиций. В самом начале лагерных сборов этот мужик, какой-то весь измятый и обтрепанный, потряс всех абсолютно точным цитированием ряда статей Устава Внутренней Службы (УВС), предписывающих правила хранения оружия и содержания отведенных для этого помещений, да и потом не раз удивлял, смешил и раздражал студентов своей полной неспособностью к самостоятельному мышлению и рабской приверженностью букве Устава. Заметил, что ребята чистят зубы по утрам, он выразил на сей счет недовольство, подкрепив свои претензии статьей 336:

«Выполнение правил личной гигиены включает:

- утреннее умывание с обтиранием тела до пояса прохладной водой;
- мытье рук перед каждым приемом пищи;
- умывание перед сном с чисткой зубов и мытьем ног...»

– В уставе сказано, надо чистить зубы вечером, – требовал сержант.

– Но не сказано, что нельзя чистить утром, – возражали ему.

– Надо вечером, – упирался он и отступился только тогда, когда подвергся нешуточному осмеянию.

Осмеивать майора мы даже не пробовали. Боялись? Вполне возможно. Не хотели неприятностей, проблем на пустом месте. К тому же, он вызывал уважение. Он, конечно, был существом совсем другой породы, но существом достойным. Да и он не пытался нас сломать, как ломают в армии новобранцев. Так что в наших отношениях с начальником сборов установился своеобразный паритет. Он командовал – мы, разумеется, подчинялись. При этом он жил в своем мире, мы оставались в своем.

На взгляд из нашего студенческого мира армейский мир казался очень скучным. В нем господствовала длинная, длинная, длинная скука. То и дело выпадало свободное время, потому что занятий на технике, в классах, на плацу было на удивление мало, словно настоящей целью лагерных сборов являлась не учеба, а погружение в армейскую среду. За месяц ничему новому все равно не научишься, а вот для того, чтобы пощупать, понюхать армию, попробовать ее на зуб, месяца достаточно. Хотя именно «пробовать на зуб» было особенно нечего. На солдатском пайке мы натурально голодали. Разговоры в курсантской курилке вращались вокруг еды: на обед, наверно, снова попадется одно сало, и на завтрак досталось одно сало, эх, сейчас бы шашлычку под пиво... Самыми мучительными были последние полчаса перед обедом. Они тянулись бесконечно.

Но вот, наконец, раздается зычный голос старшины:

– Взвод, выходи строиться на обед!

Да все уже вышли! Причем, давно! Это мы умеем – строиться на обед! Никого не надо подгонять!..

Обед занимал не больше десяти минут. Мясо не попадалось.

После обеда вновь ползло черепахой свободное время – время положенного по уставу отдыха. Три четверти нашего курсантского взвода проводили его в солдатской чайной, нейтрализуя молоком машинное масло, на котором готовился харч для нижних чинов.

Многих из нас картины армейской жизни привели в состояние шока. Одно дело попасть в казарму, под власть сержанта-сверхсрочника восемнадцатилетним деревенским парнем, другое – уже кое-что повидавшим, отесанным пятью курсами учебы, научившимся думать и анали-

зировать студентом одного из лучших вузов страны, завтрашним образованным специалистом. Этот последний начинал неизбежно задаваться вопросами. Почему армия устроена именно так, а не иначе? Зачем насаждается здесь изнуряющая муштра, примитивная, непроходимо тупая и лживая партийно-политическая учеба? Для чего человека отучают думать, оболванивают, вытравливают, казалось бы, самое ценное – индивидуальность, творческие задатки? С какой целью «стригут всех под одну гребенку»? Как следует понимать тот факт, что люди, защищающие страну, не имеют паспортов граждан этой страны? Мало того, почему солдат бесправен, нищ, и, по сути, является рабом командира, от генерала до ефрейтора, в лучшем случае, рабочей скотиной?.. В моей голове теснились десятки вопросов. Кто мог на них ответить?..

Разрешите представиться!

Ответить на них, и то – не на все, и то – не до конца, я попытался только после двух лет действительной военной службы. Едва защитив диплом в МЭИ, я надел лейтенантские погоны и отправился в авиационный полк. На два года. Так Министерство обороны СССР восполняло недостаток кадровых офицеров, и не только в авиации. Призывали новоиспеченных инженеров и офицеров запаса, особенно, молодых, прошедших подготовку на военных кафедрах технических вузов, но в первую очередь, конечно, вчерашних студентов, не успевших поработать и пустить корни на «гражданке». Поэтому «двухгодичниками» стали две трети ребят из нашей группы «Электрические системы». Вместе с Валерой Смольниковым, моим институтским товарищем, мы отправились в Ленинградский военный округ и погрузились в армейскую среду.

Все два года службы я вел дневник, стараясь отразить в нем как можно больше человеческих историй, событий, фактов, деталей, подробностей. Уволившись и вернувшись в Москву, без малого год урывками – обычно по ночам – работал над армейскими записками. Они были опубликованы (и то совсем недавно) только на моем сайте в Интернете, да я и не ставил целью непременно их напечатать. Со временем они все дальше и дальше отодвигались в прошлое и, наверно, в конце концов после моего ухода оказались бы на свалке, но я вдруг решил, что называется, придать гласности несколько эпизодов и немного рассказать о моих товарищах по службе, с которыми дружу до сих пор, хотя переписываемся, тем более, видимся мы очень редко, а с некоторыми я, увы, на этом свете уж не увижусь никогда.

И вот – рассказываю. Изменив, разумеется, фамилии действующих лиц, включая свою собственную, и географию. Зачем, почему я это делаю? «Теперь армия другая!» Так говорят, так пишут. Не та, в которой служили мы, «двухгодичники». Судить не могу. Но буду очень рад, если она действительно стала другой. Ту, прежнюю советскую армию, вероятно, жестоко встряхнули две Чеченские войны, а распад СССР почти уничтожил... но уничтожил вместе со всей гнилью, которая в ней накопилась – глупостью, некомпетентностью, коррупцией, воровством, пьянством, «дедовщиной»... Думаю, никто не ожидал, что армия возродится, как птица Феникс, да еще так быстро, и окажется готовой к столь серьезным делам, как сирийская кампания. Но! Пусть даже нынешняя российская армия резко отличается от той советской, в которой мы служили, она не может стать совершенно иной, это противоречило бы природе вещей. Армия есть армия. Ее назначение, ее задачи, ее структура, организация, все ее прочие родовые черты остаются неизменными. Закон ее жизни – устав, и этот закон одинаков что для советской, что до российской армии.

Хорошо. Пусть армия «теперь другая». И это замечательно! Но – насколько и в чем другая? Что сохранилось, а что ушло в сравнении с 1972—1974 годами, когда мое поколение носило лейтенантские погоны? Нам этого уже не увидеть и не понять. А вот сегодняшние лейтенанты могли бы сравнить день нынешний и день вчерашний. В нынешнем они живут и служат, черты вчерашнего найдут в моих записках. Мне кажется, такой анализ должен стать увлекательным делом. А еще, что важно, – познавательным и полезным. Поиск истины всегда увлекателен и полезен.

Самое первое

Я медленно приближался к месту моего назначения. Диковинный тихоходный дизель, сделанный в какой-то европейской социалистической стране, четвертый час тащился по древней, разбитой дороге, похоже, построенной еще финнами. Погода стояла на редкость унылая: дождь, туман, холод... После московской апрельской жары я физически ощущал, что забираюсь все дальше и дальше на север. Пейзаж за окном вагона подкреплял ощущения – деревья уменьшались в росточке, мох забирался по стволам все выше... Мхом обросли бесчисленные валуны – большие, маленькие, круглые, острые, гладкие... Север!

Вот и станция. Собственно, не станция – разъезд. Собственно, и поселка нет – есть военный гарнизон. Несколько пятиэтажных домов из белого кирпича, три старых двухэтажных, казармы, строения, где расположены службы полка, офицерский клуб, десяток одноэтажных финских домиков, столовая, два магазина, гостиница, где меня поселили... Вокруг низкорослый реденький сосновый лес, песок под ногами, сырой морской воздух, сероватая дымка постоянного в этих краях в весеннее время тумана, море в трехстах метрах, железнодорожная колея, узкая асфальтовая ленточка, ведущая в ближайший город.

Я доволок чемодан до штаба (хорошо, что попался солдатик и провел прямо, а то бы я потащился к КПП) и увидел Смольникова – бравого молодого лейтенанта, слоняющегося в ожидании беседы с замполитом. Одели Валерку быстро, завтра-послезавтра меня ждет такая же участь. Барахла, говорит, выдают огромную кучу, за два года никак не сносишь!..

Начальник строевого отдела, капитан, меня зарегистрировал и отправил к замполиту. Пошли вместе со Смольниковым. Замполит – очень приятный на вид моложавый подполковник по фамилии Малов с армейской «визитной карточкой» – значком академии – на кителе собрав о нас подробные данные, начал беседу. Конечно же, семейное положение. Сказал, что через месяц каждому будет предоставлена комната метров в 12—14, потому что сдается (вернее, уже сдан, но еще не заселен) новый 80-квартирный дом, и в двухэтажных домах освобождается много площади. Разумеется, комнаты он меняет на наше намерение привезти сюда семьи, но не обязательно сейчас, а в удобное время. Холостым комнаты не дают; почему, я пока не знаю. Жилье, говорит, сухое, светлое, есть газ, вода и титаны на дровах. Квартиры на две-три семьи. Только вот мебели – разумеется! – нет.

Вероятно, на наших физиономиях проступил скепсис: мягко, мол, стелешь... Чтوب с квартирой – и так запросто! Малов снял трубку и вызвал какого-то капитана:

– Тут у меня сидят двое лейтенантов... Только что прибыли... Да, да... Подбери им к маю комнаты во втором или третьем ДОСах... Посуше, у них маленькие дети... Да.

(Еще в штабе армии, мне говорили: гарнизон один из лучших по обеспеченности жильем. Кажется, не соврал тамошний кадровик!)

Ладно, поживем – увидим. Но, все-таки, весть если и не слишком радостная (какие радости, когда впереди целых два года службы?), то приятная, потому что гостиница... Потом, потом, она достойна пера бытописателя!

От замполита пошли к инженеру. Кто он по должности в точности – не разобрал. Майор. Те же вопросы, что задавал сперва начальник строевого отдела, а потом замполит. Майор-инженер нам не понравился. Вял, говорит через пень-колоду, смотрит рыбьими глазами.

– Вы как, выпиваете? – спрашивает и таращит свои выпуклые водянистые глазищи.

Пожимаю плечами.. Что тут ответишь?

– Смотрите... это... а то мы вас отправим на Север...

Молчим. Что тут скажешь?

– В общем, так... Один из вас пойдет в ТЭЧ, другой в третью эскадрилью. Кто из вас любит паять... это... ну, радио там...

Я быстро киваю на Смольникова. Он не возражает, такое впечатление, что он оцепенел. Так решилась наша судьба – Валера идет в ТЭЧ, я – в третью эскадрилью.

Покинув штаб, мы еще раз окинули взглядом окружающее, осмотрели друг друга и сказали «Да...» Но тут же вспомнили рассказы замполита: летом здесь 32 градуса (июль и август), рядом море, лодки, острова, отличная рыбалка, грибы, черника, малина... Вспомнили про обещанные комнаты, ещё раз сказали «Да!», зашли в гостиницу, бросили чемодан, пошли обедать, потом пошли пить пиво в таверну «Зеленая радость» (как мы, в духе Стругацких, тут же окрестили местный «чепок»), потом выпили в гостинице вина, потом кофе, и долго-долго разговаривали, и это было хорошо.

Но... Как грустно стоять на вокзале и смотреть вслед поезду, уходящему к тебе домой!..

Сегодня, 18 апреля 1972 года, продолжили «развлечения». Автобус привез нас в Выборг за 45 минут. От Выборга до Ленинграда ровно 2 часа на электричке. Есть также прямой поезд до Москвы, №32, отходит в 20.37, в Москве в 8 утра.

Выборг – северный, морской, сложенный из материала серого цвета, похожий на небольшой слепок с Питера, – засыпал апрельский снег... Вот и парикмахерская. Эх, хочешь, не хочешь, а надо стричься. Желательно покороче. Стрижемся почти наголо, с перебором, ибо вчера на наши шевелюры обращали неодобрительное внимание все командиры и должностные лица всех служб полка. Это действие, подобно настоящему посвящению, приближает нас к особой форме существования белковой материи, коей является офицер. Покупаем кипятильник (кофе варить), изучаем расписание автобусов и электричек.

После обеда (едва не опоздали!) часа два провели в полковой библиотеке. Средняя, книги, как везде, но есть немного хороших. Только совсем нет научных. Библиотека запущенная, книги расставлены беспорядочно. Так и чесались руки привести ее в порядок. Может быть, когда-нибудь доберемся и обнаружим в этих завалах немало ценного. Но, какая б ни была, а скрасит нам жизнь библиотека.

Гостиница. Старая, обшарпанная, грязная, сырая, нет ни горячей воды, ни кухни. Холодно. Смольников, уже обживший здесь койку, говорит – пьют. Постирать негде.

Баня раз в неделю, по субботам.

Столовая – для технического состава (для летного – отдельная). Кормят хорошо, вкусно и совершенно бесплатно. В столовой опрятно. Ассортимент – 5—6 блюд на выбор. Можно брать добавку, но я пока наедаюсь.

Завтра будет неделя, как я здесь – подумать только, целая неделя и еще только неделя! Дни отчетливо отпечатываются в памяти, вечером можно точно повторить в воображении свой дневной маршрут, всегда есть дела, всегда что-то или куда-то нужно... Люди, впечатления... Но время течет медленно. Оно отчетливо и при этом размыто. Никогда, кажется, не было таких длинных недель. Никогда не приходит ощущение реальности и надежности теперешнего положения: как будто это нечто вроде военных лагерей после пятого курса, вроде летнего студенческого стройотряда. Ну, пожил, а не прижился, так собрал рюкзак и уехал дополнительным поездом с Московского вокзала – искать черт-те что черт-те где.

Чувство неустроенности сильно. Ощущение хоть какой-то надежности дает только домашнее, приехавшее в чемодане, где все подогнано так, будто творили мозаику из старых, привычных вещей.

В мой первый день, когда мы с Валеркой зашли в гостиницу бросить чемодан, на наши голоса, распространявшиеся, очевидно, по всем фанерным боксам пустой в этот час общаги, заглянул парень – маленький, плюгавый такой, в бриджах и в тапочках. Глаза – блестящие коричневые пуговицы.

– А вы что, ребята, новенькие?

– Да.

– Откуда?

– Из Москвы.

– А! Далеко. Тут больше питерских.

– А ты давно служишь?

– Хм... три месяца осталось...

Мы подавленно молчали.

– Куда вас сунули? Третья? ТЭЧ? Нормально. Только в четвертую не ходите: там и командир – дерьмо, и инженер – дерьмо. – Парень взглянул на часы. – Э, мне на службу пора...

Мы завистливо смотрели на закрывшуюся дверь.

22 апреля меня представили на построении в эскадрилье. За день до этого я познакомился с командиром, начальником штаба, замполитом, инженером, начальником своей группы старшим лейтенантом Савиным и двухгодичником Колькой Митяевым, которому тоже три месяца осталось... Все начальники спрашивали, как я отношусь к водке, все вспоминали про двухгодичника Хорькова, тоже из МЭИ, спившегося здесь и работающего сейчас в Москве грузчиком. Замполит высказался прямо:

– Главное, не пей, и служба у тебя пройдет спокойно, нормально.

Меня вызвали из строя, я вышел и повернулся дюже неловко, затормозившись каблуком на ноздреватом бетоне и накренившись основательно влево. Может, кто и засмеялся, я не видел толком ничего.

День был солнечный, но не весенний: блестящий, как поздней осенью, холодный. Шел последний день какого-то «перевода», все были заняты; меня Савин послал смотреть «живой вертолет», я полез с Митяевым вовнутрь МИ-10. Первый раз я был в вертолете.

Говорят, наш гарнизон – самое приличное место в военном округе. Прочие – неописуемые дыры; говорят, глушь там, болота, бараки и такая тоска, что хоть вешайся. Так что у нас относительный комфорт, все же сносные условия и культурные центры, хотя и сугубо местного значения, под боком.

Мое дело – изучать вертолет, «входить в строй» (программа ввода рассчитана на месяц), все остальное меня не касается. Вертолет я совсем не знаю, мы же изучали в институте лишь теорию отдельно взятых приборов, устройств; в лагерях больше валяли дурака, да там, к тому же, были самолеты. А здесь нужно, чтоб вертолет летал и был исправен, нужно его контролировать и находить неисправности, если они обнаруживаются. Работа, короче, сугубо практическая, опыт важен и практика. Тут сидят офицеры и сверхсрочники, съевшие собаку в этом деле. Конечно, они не разбираются в теоретических тонкостях. Может, они даже не знают, как генератор вырабатывают электроэнергию, но машины у них работают. А это все, что нужно армии.

Когда мы валяли дурака в институте, спихивали разные зачеты и прочее, на военной кафедре (незабвенный майор Кочергин!) с нас драли три шкуры. Тогда казалось, что военную профессию знаю лучше, чем свои профильные электрические системы, но после каникул, диплома, предоставленного военкоматом отпуска (в общей сложности на это ушло девять месяцев) выяснилось, что половина из памяти выветрилась, половина – представляется смутно. Обычная история.

Снег идет вот уже второй день и тут же тает. Серо, уныло. Сидим дома, сиречь, в гостиничной комнатухе, где с трудом умещаются три койки. Наш третий в комнате, летчик, почти не бывает – идеальный сосед. Ни разу за неделю не ночевал. Ну что ж, у него тут, как болтают, две жены; при таком положении дел я бы тоже не стал спать в ледяной гостинице.

Посетили ближайший очаг цивилизации – приморский поселок. Тоже дыра. Зато два книжных магазина. Купили книг. Не скажу, что редкость, но вполне. Чтобы съездить в этот культурный центр, нужно разрешение инженера эскадрильи, в Выборг – командира эскадрильи, Поездка в Ленинград – уже отпуск, пиши рапорт командиру полка. Офицеры и прапорщики полка по полгода не бывают в Ленинграде, если только не плюют на разрешения. Мы сегодня так и поступили. Есть в этих разрешениях что-то унижительное или детское – будто на горшочек просишься. А еще это материализация бессильного протеста, смешная попытка пробить брешь в установленном не тобой, навязанном тебе порядке. Иногда вот взбрыкнешь и не пойдешь на завтрак, повалешься лишнего полчаса, хлебнешь дома кофе – и все... И что же? Да ничего! Только в обед трескаешь за двоих. Благо на добавку официантки не скупятся.

Мне кажется, я люблю самолеты. Или казалось раньше? Казалось... Серый бетон аэродрома, четкий ритм, волнующие ряды вздремнувших серебристых птиц. Хорошо? Пилоты-асы – значительные, мужественные, благородные, любимцы женщин, для которых свята дружба, свято небо. Вот один из асов, капитан Ступин – летун первого класса, тот самый идеальный сосед с двумя женами:

– Ты мне поверь! – убеждает. – Вот когда ты придешь через два года на гражданку, ты будешь совсем другим человеком. Наберешься.

– Чего? – не понимаю я.

– Ума. Вот увидишь, будешь смотреть на жизнь просто-просто. И к выпивке, и к бабам будешь относиться так – надо, значит надо. И в семейной жизни тоже просто-просто.

– Не знаю... Может, мое время еще не пришло?

А сейчас – сейчас главное научиться разделять свою жизнь на две половинки. Научиться выключать мозг и научиться включать его вовремя. Научиться спокойно наблюдать.

Три дня подряд хожу на стоянку и читаю технические описания. Описания плохие, я привык к институтским разработкам, четким и подробным, а тут накручено.

Полк летает. В первый раз я выскочил из домика, смотрел, как вырывается, как зависает МИ-6. Митяев лениво усмехнулся:

– Ещё насмотришься...

Скучно. Служба энтузиазма не вызывает. Глупо считать, сколько осталось, когда и двух недель не оттрубил. А я считаю: 22 месяца.

Смотрели в клубе «Пармскую обитель». Когда в первых же кадрах появляется Мария Казарес со своей умопомрачительной талией, зал завистливо вздыхает. Отчетливо, громко.

Вздыхают, собственно, офицерские жены. Что ж, вольный воздух, большие зарплаты, пассивное существование. Позавидуешь талии!

Две недели, как уехал из Москвы.

Вернулся из госпиталя старший лейтенант, на месте которого я сплю. Борттехник на МИ-8. Звать его Валентин Алексеев. За сорок. Потаскан. Лысоват. Разговорились. В старших лейтенантах ходит пятнадцатый год.

– Стыдно сказать, ребята... Так уж получилось. Сначала в академию не пошел. Потом по комсомольской работе не пошел. Молодой был, горячий, пару раз попал на губу за пьянку, повздорил, ещё поругался, побузил, – ну и не задалась служба.

Семьи его здесь нет, она за сотню километров. Мотало бедного по всему Союзу, сюда попал с Курил. Собирается увольняться в январе 73-го. Говорит, что не чаёт, как вырваться из армии. Пенсия 150 рублей обеспечена.

Что это они все так ругают армию? Ступин тоже клянет. Однако служит и никаких серьезных попыток вырваться не делает.

(Забегая вперед. Когда я увольнялся, Алексеев ещё служил, вернее, дослуживал. За два года он успел накуролесить. Сначала слетел с борта за явку к боевому вылету – на ученьях дело было – в невменяемом состоянии, потом – вообще из армии за серию пьянок и дебошей. В марте 74-го должен был придти на него приказ, и с какой-то грошовой пенсией – на волю. Это вместо 150 рублей. Нормальным я его в последнее время не видел. Знакомство наше осталось поверхностным, так как скоро мы со Смольниковым гостиницу покинули, но стало понятно даже по короткому общению – человек Валентин скверный, мелочный. Выпьёт – сразу кураться. А вот в шахматы здорово играл!)

У соседей отгул после учений. Пьют с утра. Нагрузившись, засыпают. В два часа дня трезвонят на этаже будильники – обед. После обеда вновь принимаются пить. Перед ужином снова трезвон... После ужина – третье действие. Не можем с Валеркой уснуть до двух ночи. За фанерной переборкой надывается магнитофон. Иду объясняться. Зрелище – типичный бардак. Бутылки, объедки. Спят, кто где. Горит свет. Выключаю магнитофон, гашу свет.

Вечер 2-го мая. Заканчиваются праздники.

Приходит Ступин, заставляет выпить спирту. Из противообледенительной системы вертолета. Так что это не совсем спирт – процентов тридцать в нем глицерина, это «ханька» или «ханьяк». Гадость. Сладкая, маслянистая. Правда, глицерин совершенно безвреден, он выбрасывается организмом.

Вчера ходили в гости к сверхсрочнику из моей группы, Игорю Градову. Посидели часика два, поели рыбки сушеной и жареной, посмотрели телевизор. Здесь принимают Финляндию, очень хорошо видно, качество изображения превосходное (финны используют японскую аппаратуру), программа оформлена интересно, со вкусом. Финны показывали нашу первомайскую демонстрацию и американский детектив. Фильм подан очень оригинально: вторым звуковым сопровождением идет запись зрительской реакции, сделанная, очевидно, в крупном кинотеатре. Фильм веселый был – сплошные взрывы хохота. Мы же ничего не поняли – ни английского, ни финского перевода, появлявшегося синхронно в виде текста.

Сегодня обозленный Валерка засел за «Войну миров» на английском, но долго не высидел.

Погода вдруг резко улучшилась, потеплело, посветлело. 30-го днем проторчали на море, лазали по камням, сидели на солнышке у воды. Потом ходили по поселку каменных финских домиков («Шанхай»), подыскивали себе квартиры. Вечером смотрели кино, посидели в кафе, пошли в клуб на танцы. Я не танцую, Валерка, как оказалось, тоже. Сидели, смотрели.

3-го мая занялся квартирой. Пошел к Малову, говорю: хочу занять однокомнатную квартиру в каменном финском домике, она пустует. «Занимайте». Побегал в домоуправление и за полчаса получил документ, ключ. Стал жильцом. Выпросил в гостинице кровать и сетку. В квартире есть стол, тумбочка, табуретка. Матрасов и постельного белья не дали, старшина тоже мялся-мялся, но не раскололся. Выдали на ремонт 9 рублей, на них купил ведро, швабру, веник, замок, лампочки.

Два дня после службы выводил грязь и топил печку. Тепло, тяги никакой, печка топилась, что называется, «по черному». Замок взрезал. Грязь ещё осталась.

Не ахти, какой угол, довольно запачканный и замусоренный, зато свой!

Зачем полез в эту авантюру? Настоящая дача. Спокойно, отдохнуть можно от службы, отдельная квартирка в лесу, вокруг свой брат, двухгодичник.

18 мая 1972 года

Сегодня «летают полеты», как выражается начальник штаба полка, большой грамотей. Я бездельничаю, валяюсь в лесу на солнышке, подстелив свою техническую телогрейку. Не совсем, то есть, бездельничаю, продолжаю «вход в строй». Рядом валяются книги и тетрадь. Конспект становится тоньше – то туда листочек, то сюда, а не разбухает от знаний, как ему полагается. Хотя никто меня не торопит, людей хватает, техника работает, «безобразий не нарушают» (опять же он, подполковник Шелест!). Человек я пока вполне, на 100 процентов заменимый. До конца августа, покуда не уйдет Митяев, будет спокойно.

Старожилы считают, что повернуло на лето всерьёз. Бабочки летают. Травку кое-где можно заметить, пробивается потихоньку.

Хорошо все-таки, что целыми днями на воздухе. Загораешь, ветра обдувают, дожди поливают.

Леса тут кругом необъятные. Что ж, почти Карельский перешеек.

С печкой удалось справиться. Научился ее растапливать, и горит она прекрасно. Вчера нагнал жару, как в бане. На зиму потребуется 6 кубометров дров. Это всего 20 рублей. Напилить и наколоть можно за лето самим, в порядке физподготовки. Сейчас же с дровами смех и грех. Ходить в лес за ними лень, да и какие в лесу дрова? Сучья, ветки, они хороши для костра, а в печке быстро прогорают. Когда иду домой, собираю по дороге палки, доски, чурбачки, ящики. Почти все в округе подобрал. Даже корни сосен выломал, которые торчали. Разделять все эти древесные отходы приходится ногами. Хороши для этой цели туристские ботинки.

Начфин дал аванс – 80 рублей. Еду в поселок за будильником. Все дело в будильнике – без него нельзя перебраться домой.

Пришлось вставать в половине шестого утра на полеты. Полеты – это когда совсем нечего делать, если, конечно техника работает. Тогда она летает себе, а ты сидишь. Я даже уснул на солнышке и проспал час.

Ну, зачем мы здесь нужны? Кому польза от наших дипломов, знаний и прочего? Злость и обида разбирают... Но так – редко. Чаше душа спокойна, она ни в чем и во всем сразу. Белеют ночи, носится вместе с ветром запах черемухи и в лесу пахнет ранним летом, какой-то травой, мятой, молодыми листьями, а чем конкретно – не разберу...

Двухгодовичники – 1

Митяев держался абсолютно независимо и, как мне казалось, в душе глубоко презирал армейскую среду и людей, с которыми служил два года.

Рассказывал такой случай с капитаном Самокрутовым, техником отряда:

– Неисправность. Я посмотрел – нужно опрессовку делать, наше все работает. Слез с вертолета, стою. Подбегает Самокрутов: «Ы...ы.. давай лезь, снимай...» (Самокрутов заикается немного). Чего я полезу, говорю, у меня начальник есть, я ему доложил. Он орать. Стой, говорю, где стоишь, или иди...

– Ну, и что было? – удивляюсь я. С тех пор вес Самокрутова заметно возрос, он сейчас потенциальный приемник инженера, и «тыкнуть» ему мало кто может.

– А ничего. Неисправность же не у нас была, это они должны делать опрессовку.

Пояснение: «они» – это группа ВД, вертолета и двигателей, группа голубой крови среди технарей, группа привилегированная. В нашей авиации основными, главными специалистами считаются специалисты по двигателям. Инженер полка, то есть, заместитель командира полка по инженерно-авиационной службе, подполковник – специалист по ВД. Инженер по эксплуатации, второй инженер полка, – тоже. Инженер эскадрильи – двигателест. Техники отрядов – тоже. Начальник ТЭЧ – аналогично... Майоры, капитаны. Между тем, по радио- или авиаоборудованию на весь полк, как правило, один майор, один капитан – начальник соответствующей группы ТЭЧ, а ниже старшие лейтенанты да лейтенанты. В нашем большом полку, правда, по авиаоборудованию было два инженера-майора, один по электронной автоматике и приборам, другой исключительно по электрооборудованию. Вот поэтому, в силу многочисленности своей и узаконенного главенствующего статуса группа ВД всегда «зажимает» и радистов, и «спецов», и оружейников. Чаще препирательства носят шуточный характер, но бывают случаи не шуточные, явно хамские случаи...

Итак, Митяев. Тепло отзывался он только о Кривоносе, величал его Андреем Филимонычем, всем остальным, кому можно, «тыкал», потому что все «тыкали» ему. Ни разу не видел я, чтобы он козырнул кому-нибудь. (Справедливости ради: с командиром полка мы с ним вместе ни разу нос к носу не встретились.) И еще Колька преспокойно нарушал форму одежды, ходил в комбинезоне, когда это было строжайше – приказом командующего армией запрещено.

На работе был не суетлив, основателен, методичен; к концу службы вертолет знал отлично, любил копаться в схемах и сломанных приборах. Сойтись мы с ним не сошлись, он по характеру, по-видимому, не способен был к тесному дружескому сближению, да и слишком мы разные люди оказались. Тем не менее первые три месяца я больше всего общался именно с ним, он и работе меня учил, и о людях рассказывал, и об армии, и о тех временах, когда меня ещё не было в эскадрилье. Но покровительственного тона по отношению ко мне он не взял, не выступал таким старшим наставником.

Он закончил ЛИАП (Ленинградский институт авиационного приборостроения), коренной петербуржец. Четыре месяца до армии работал. Приехал в Прибылово семейным (сыну, тоже Кольке уже четыре года), а в армии обзавелся вторым сыном. Единственный из двухгодовичников, он сумел получить однокомнатную квартиру в пятиэтажном доме, самую, правда, незавидную, угловую, на первом этаже, но все-таки для двухгодовичника это было невероятным достижением! Объяснял он это случайностью: жил, мол, первый год в комнатах во 2-ом ДОСе, родился второй потомок – и как раз рухнул угол... В такой ситуации, да с семьей, да с новорожденным, не могли не дать ему пустовавшую «хорошую» квартиру.

Был он очень домашним, поклонником телевизора, газеты «Советский спорт» и исторических романов. Я приходил к нему несколько раз посмотреть футбол, он ко мне несколько раз

за велосипедом. Семью свою Кольку звал не иначе, как «семейством», жену – «мамашей» (она звала его «папашей»).

При первом же нашем знакомстве он сказал мне:

– На двухгодовичников здесь смотрят как на негров... Люди второго сорта.

Он пил очень мало, и на мой вопрос, почему все начальники в беседе с новобранцем вспоминали о горькой, ответил так:

– Здесь пьют все: от командира полка до последнего сверхсрочника. Но нужно пить умно. Если попадешься – будьте любезны, затаскают, год будут вспоминать.

Перед Первомаем мы убрали стоянку. Технология: рассыпались и бродили между вертолетами, собирая бумажки, камешки, щепочки и прочее. Как раз перед этим наш комэск, майор Барабаш, что-то ляпнул на построении.

– А наш командир большого ума мужчина, – сказал я, цитируя Стругацких.

– Да ты что! – искренне изумился Митяев. – Он же дурак дураком! Смотри, не скажи кому-нибудь, засмеют. Вот Кучер до него был (Кучеренко), еврей-летчик, тот был – командир. Загонял в самодеятельность, в хор. Я не пою, ну и говорю ему – не пою, мол. Митяев, в армии не бывает «не пою», не бывает, чтобы один пел, а другой нет, говорит.

– Ну и что?

– Ничего. Не ходил я. А остальных «всех до единого», как Барабаш говорит, заставил.

(Забегая вперед: Барабашу никогда не удавалось заставить «всех до единого».)

Митяеву удался ещё один фокус, прямо скажем, уникальный: в течение двух лет он не занимался марксистско-ленинской подготовкой, ни конспекта не вел, ни на семинарах не выступал. Как он ухитрился – загадка.

Забыли Кольку быстро, изредка вспоминали лишь в нашей группе. Он не запомнился эксцентричными выходками, не дал рацпредложений, не оформил стенды, не нарисовал плакаты. Он спокойно работал, так и оставшись для эскадрильской братии «вещью в себе»...

Как-то я спросил, рыбачит ли он.

– Нет. Скорее всего, из принципа. Когда вокруг только и разговоров, что о рыбалке..

Он оставил фразу незаконченной. Не привык, видимо, объяснять такие вещи...

Характерно, что даже двухгодовичники, в одно время с ним служившие, не все его знали. Зато пьяница Хорьков был полковой знаменитостью, и вспоминают его часто, очень часто.

У меня был адрес Н. Н. Митяева, но съездить к нему за два года я так и не собрался...

Лето 1972 года

Я уже работаю, хотя официально зачета не сдал. Но – нужно работать, и пришлось плюнуть на все зачеты. Сегодня встал в 5.30 утра на полеты. До часу дня проторчал на жаре, бегал туда-сюда, вертолеты благоухают маслом и керосином, внутри духота и пекло невероятные... Завтра подъем опять в 5.30. В четверг, кажется, будет полегче – ночные полеты. А в пятницу и вовсе дрянь – классные занятия...

Вот в пятницу я и проспал зарядку, но на утреннее построение явился вовремя. Озираюсь опасливо, встаю в сторонке. И – на тебе! – прямо на меня идет наш комэск майор Барабаш. Отдаю честь.

Он останавливается и смотрит на меня со странным выражением. Так смотрел бы баран на новые ворота. Наконец, он меня признает, лицо ставится осмысленным.

– Прибыли? – бурчит он с кривой усмешкой. – Надо докладывать...

А перед обедом, когда мы ждали открытия столовой в тени березок, на отшлифованных задами личного состава валунах, меня подозвал начальник группы ВД эскадрильи капитан Гриценко:

– Петров, тебе оказана большая честь... Так как ты неделю где-то прогулял...

– Я не прогулял! – возражаю серьезно. – Я в краткосрочном отпуске был!

В самом деле, Гриценко может и не знать, где я был. Но я попал совсем не в тон, и вокруг заржали.

– Вот я и говорю, неделю отдыхал. Будешь сегодня после обеда старшим. Солдатами будешь руководить, понял?

И Гриценко скучно объясняет, что это надо вымыть, это – убрать, это – почистить. Слушаю, запоминаю. Один пункт задания меня поражает: требуется перенести кусок парусины размером с половую тряпку из одного конца коридора в другой. Да я бы и сам перенес... Но, по-видимому, самому нельзя, не офицерское это дело, погоны не позволяют.

Гриценко не колоритен, слушать его скучно. То ли дело инженер нашей эскадрильи капитан Осинин! Как он орет «Да.....!!!» и хлопает себя по бокам!..Очень здорово у него выходит. Говорят, он способен вдарить оземь шапку и отфутболить ее на десяток метров, но, поорав и устроив матерный разнос, через пять минут успокаивается и зла никогда не помнит.

Ладно. Вот тебе, думаю, и офицерское крещение. Это настоящие солдаты. Своим братом, студентом, и то нелегко командовать, не любил я этого, хоть и на одном языке говоришь, одну кашу ешь. А тут пропасть все-таки: лейтенант и солдат. Страшновато. И любопытно.

Иду после обеда на стоянку.«Литературкой» запасся. Они – полы мыть, а я почитаю. Прихожу, а солдаты куда-то собираются. Куда?

– Товарищ лейтенант, звонил дежурный по полку. Пятерых срочно к штабу. В лесу пожар.

Правда – пожар. И близко, дым виден. Поднялся и пошел туда МИ-8.

Солдат остается двое. Один делает фотогазету, другой чинит замок. Помогаю парню делать газету. Потом ее вешаем и уходим. Крещение не состоялось. Не вздрючат ли завтра? Хотя пожар есть пожар.

Получил деньги, все сразу: подъемные, зарплату. Больше, чем командир эскадрильи. Не скоро придется держать в руках такую сумму, года через два.

Суббота, воскресенье – тоскливые дни. Вокруг пьют, гуляют, играют в волейбол, отовсюду доносится музыка. А мне словом не с кем перекинуться. Сколько я сегодня сказал слов?

С десяток – в сберкассе, с десяток – на почте, с десяток – в столовой, с десяток – дома, сам себе. Не больше пятидесяти слов в день.

18 июня 1972 года

В ближайшее время у нас законсервируют три машины, экипажи уходят в отпуск. По этому поводу высказался Н. Н. Филиппов, начальник группы радиоэлектронного оборудования (РЭО) нашей эскадрильи. Самое интересное, сказал он, что все машины полка можно спокойно законсервировать на неопределенный срок, и ничего не случится, и ничего не изменится, и сколько горючего сэкономим!

Купил себе ботинки за 9.60. Сиротские, прямо скажем, ботиночки. Приютские. Однако – по форме. Заставили.

Дело в том, что ботинок мне до сих пор не выдали. В апреле черные уже прекратили выдавать, а коричневые еще не начали. Говорят, коричневые, которые отныне положены, нового образца, только в октябре получим.

Покупать же свои я никак не хотел. Из какого-то упрямства. (Я сюда не рвался. Призывали? Ну так обеспечивайте!) Изворачивался, ходил в черных технических тапочках, в туристических ботинках, в итальянских, сугубо цивильных. Спасало то, что по весне ходили в комбинезонах, а с комбинезоном можно и тапочки натянуть. Но вот – лето, жара. Ходим в брюках и рубашках, тапочки никак не подходят. И вопиющее нарушение формы, и просто смешно.

И вот на днях – строевой смотр. Стою в итальянских. Все в черных, а я сверкаю итальянским лаком. Готовлюсь привычно ныть: служу, мол, недавно, не выдали... Но прогуливающийся по плацу майор Мартынюк, замещающий сейчас Шелеста, внезапно направляется прямо ко мне. Зайчик, что ли, от итальянского лака попал ему в глаз?

Мартынюк останавливается передо мной, плешистый коротышка в мундире мешком. На кончике моего языка трепещут привычные оправдания, но он ничего не спрашивает, он смотрит на меня ледяными глазами и цедит:

– Чтобы этих ботинок я больше не видел.

– Не выдали, – затягиваю я песню двухгодичника.

– Ему не выдали, он..., – подскакивает перепуганный Барабаш.

Мартынюк на Барабаша внимания не обращает:

– Вы сколько получаете? А?! Купить и доложить послезавтра!

Пришлось ехать в поселок, разоряться. Докладывать не пошел, конечно, но на следующий день чувствовал себя полноценным.

– Петров, ишь, какие ботинки себе отхватил! Рублей пятнадцать, небось? – засмеялся Филиппов: я сидел в курилке и небрежно болтал ногами.

– Десять! – с гордостью ответил я.

Катится месяц июнь, заканчивается долгий переходный процесс акклиматизации. Процесс сей был бурен, амплитуды максимумов и минимумов велики. Будем считать, что заканчивается. Так спокойнее.

9 августа 1972 года

Плохое настроение сегодня. Во-первых, получил обходной и уходит Митяев. Он свое отдал, мне еще предстоит.

Во-вторых, в приказном порядке собрали деньги на похороны генерала, заместителю командующего армией, разбившемуся на днях на МИГ-17. С офицеров по два рубля, с прапорщиков по рублю. И это со всей армии. В-третьих, утренняя зарядка. Объявили: купание закончилось, начинаются разные перекладыны, бега и прочее. А это значит, что воспитание личного состава будет начинаться теперь с самого утра. И точно, командир третьего отряда капитан Шустрин уже ободряет подчиненных возле турника:

– Висишь, как мешок с дерьмом. Живей, живей! Жену, наверно, тоже так ...?

Подчиненные молчат, пыhtят, карабкаются на перекладину. Усердия на то, чтобы подтянуться хотя бы пару раз, у них должно хватить.

Раньше к институтскому значку, «поплавку», я относился спокойно, даже безразлично. Подумаешь, высшее образование!.. Никогда не стал бы в Москве носить «поплавок».

Здесь же «поплавок» превращается в своего рода символ. В знак качества. В визитную карточку «двухгодичника». Им гордишься, ей Богу. О нем не забываешь. Он и впрямь – поплавок, спасательный круг. Он не дает утонуть в этом болоте.

Прощаясь, спросил Митяева:

– А если бы предложили тебе должность инженера полка, остался бы?

– Нет. – Спокойно, как о давно и бесповоротно решенном.

В самом деле: инженер полка по нашей специальности – майор. Подполковники, полковники тем паче, единицами представлены в штабах, а в основном – в крупных городах, в НИИ, в учебных заведениях. А в строевых частях, хоть тресни, майор. Знать, что годам к 45-ти дослужишься до майора, уйдешь себе на пенсию, ища на гражданке доли попроще, и остаться? Есть ли смысл? Чтобы делать военную карьеру, нужно иметь доброго и влиятельного дядю. Как говорится, с волосатой лапой.

Вот Чубик, командир Смольникова, стал начальником группы в Техничко-эксплуатационной части, ТЭЧ. Это должность капитанская. Так что Чубик достиг заветной цели... и потолка. Еще лет семь будет он носить на плечах четыре звезды. А потом поедет в Чернигов, утешаясь тем, что на парадном мундире его, который он, скорее всего, больше никогда не наденет, сияет майорская звезда. И будет майор запаса Чубик ловить в Десне рыбу и продавать в киоске газеты.

Двухгодичники – 2

В середине мая командир полка поздравил его перед строем с 27-летьем. Он бежал к начальству рысью, как бегают, впрочем, почти все, кроме майоров и офицеров в годах.

Он украинец. Хохлы легко и прочно приживаются в армии. Они, как давно известно, службисты. В чем тут дело? В том ли, что они – при хозяйстве, при вышестоящем пане-начальнике, и в то же время сами какие-никакие, а паны-начальники? Или они видят в службе надежную не скудеющую кормушку?

Вот и двухгодичнику Смушко служба нравится. Привез в гарнизон всю семью, даже тещу, хозяйством обзавелся, лодкой, мотороллером.

Мой сосед по дому Елисеев, год проживший и прослуживший со Смушко бок о бок, говорит о нем так. Как специалист – отличный. Лучший, пожалуй, радист в полку. Как человек... Лучше промолчать. Примеры? Пожалуйста. Елисеев с Захаровым, свои, двухгодичники, делали приставку к телевизору, чтобы брать Финляндию. Что-то не получалось, пошли к Смушко. Он помочь отказался: не знаю, мол, ребята, не делал, да и нездоровится что-то... Не делал!.. Еще как делал! Кому, однако? Начальнику ТЭЧ, где он работает, замполиту ТЭЧ, секретарю комсомольской организации полка.

Или еще... Как-то раз в ТЭЧ командир полка что-то такое заметил. Приказал Смушко это самое устранить, но не прибавил, что доложить о выполнении. Наутро драит Смушко сапоги на крыльце. Минут десять драит. Куда идешь? К комполка иду, доложить, что устранил.

Мнение Елисеева: выслуживается Смушко и вообще лучше дела с ним не иметь – продаст.

Служить ему осталось два месяца. Вроде бы хочет остаться в кадрах, написал рапорт. Ну что ж, репутация хорошая есть, поплавок – есть и охота, главное, есть – что же не служить?

И вдруг – ошеломительная новость. Отказ. Что такое?! Недавно еще с трудом вырывались двухгодичники, мне самому множество советов перед уходом в армию давали, о кознях рассказывали, как стелют мягко, как запугивают, чуть ли не шантажируют... Считалось: армия в двухгодичниках заинтересована сильно. И вот – отказ.

Смушко стал бороться за погоны. Писал. Ездил в штаб армии. Позвольте, говорил он. Вот только что вышло новое положение: двухгодичникам разрешено до окончания срока присваивать звание старшего лейтенанта. Разве это не стремление поощрить и заинтересовать? Разве не привлекают нас таким образом в кадры? Разве эту политику нужно понимать по-другому? Разве...

Да, да, говорят ему. Но, знаете ли...

Так что же? Я взысканий не имею. Я не пью. У меня поощрения...

Да, да... Но, знаете ли, сейчас есть мнение, что острая нужда в кадрах с высшим образованием проходит. Так что заинтересовать мы хотим главным образом двухгодичников со средним образованием. Борттехников, например. Нет, не подумайте, мы не собираемся оставаться на уровне вчерашнего дня. Специалистов с высшим образованием будет вообще требоваться все больше и больше, но уже сейчас начинают выпускать инженеров высшие военные училища, не считая академий, и в ближайшие годы инженеров будет достаточно. Не хватает техников, техников остро не хватает! Вы знаете, конечно, что для радиста в полку есть одна – одна! – инженерская должность. В вашем полку эту должность занимает человек, заканчивающий заочно институт. И что же вы думаете, после того, как вас оставят в кадрах, у вас будет право занять его место? Вы согласны служить начальником группы? А куда нам девать своих? Тех, полысевших и растолстевших, сорокалетних старших лейтенантов, начальников групп в эскадрильях, кого нехватка должностей сделала неудачниками?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.